

ЭЛИНА
ГРИН

СВАДЬБА

ПО ЧУЖИМ
ПРАВИЛАМ

Элина Волкова

Свадьба по чужим правилам

<https://litres.ru/74599272>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чтобы спасти семейную фабрику, Ульяна соглашается выйти замуж за человека, который лишил ее всех других выходов. Но накануне свадьбы выясняется, что этот брак нужен ему совсем для другого. Настоящая цель жениха связана с давней тайной и опасным врагом.

Содержание

Глава 1. Срок до пятнадцатого	4
Глава 2. Пункты договора	10
Глава 3. Все двери закрыты	17
Глава 4. Глеб	25
Глава 5. Ужин с бабушкой	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Элина Волкова

Свадьба по чужим правилам

Глава 1. Срок до пятнадцатого

Утро на фабрике начинается с запаха. Я могу с закрытыми глазами сказать, что варят в третьем цехе: сегодня там яблочное пюре, значит, делают зефир. Сахарная нотка, немного кислинки и тепло, которое тянется по коридорам вместе с гулом мешалок. Мне двадцать семь лет, я выросла среди этого запаха и до сих пор не понимаю, как можно не любить понедельники.

Сегодня я их ненавижу.

- Ульяна Андреевна, - в дверь лаборатории заглядывает Петрович, начальник смены, и по его лицу я понимаю все до того, как он открывает рот. - Там это... машина у проходной. Двое в костюмах. Говорят, из банка.

- Из какого?

- Говорят, уже не из того.

Я откладываю пипетку, снимаю перчатки и очень аккуратно складываю их на стол. Руки не дрожат. Это я отмечаю с каким-то посторонним удивлением, будто смотрю на себя со

стороны.

На проходной меня ждут двое мужчин с одинаковыми папками. Старший вежливо улыбается и протягивает конверт.

- Уведомление о смене кредитора, - говорит он. - Права требования по кредитному договору вашей компании переданы обществу «Северин Капитал». Одновременно направлено требование о досрочном погашении задолженности.

- Досрочном? - переспрашиваю я. - У нас график платежей до двадцать девятого года. Мы не просрочили ни одного взноса.

- Договор содержит пункт о праве кредитора потребовать возврата при существенном изменении обстоятельств. Руководитель компании болен, залог не переоформлен... - он пожимает плечами с видом человека, который сам не рад. - Срок, указанный в уведомлении, пятнадцатое июля.

- Это через месяц.

- Через тридцать два дня, если быть точным.

Сумма в конверте напечатана жирным шрифтом. Сто восемьдесят четыре миллиона рублей. Я пересчитываю нули три раза, как будто они могут от этого исчезнуть.

Фабрика «Вересов» старше меня на тридцать лет. Дедушка начинал с одного цеха и деревянных лотков, отец построил второй корпус и купил итальянскую линию. Мама умерла, когда мне было девять, и с тех пор мы с папой жили на два дома: настоящий и этот, с трубой и проходной. В мае у папы

случился инфаркт прямо в кабинете. Врачи сказали, что он выкарабкается, если его не волновать.

Не волновать. Я смотрю на конверт.

- Как мне связаться с новым кредитором? - спрашиваю я.

- Вам позвонят, - отвечает старший, и они уходят, оставив после себя запах дорогого парфюма и ощущение, что у меня из-под ног вынули пол.

Любовь Фёдоровна, наш главный бухгалтер, сидит за столом в бухгалтерии и смотрит в окно. Ей шестьдесят, она работает здесь с девяносто четвертого года и называет всех «деточка», даже директора, когда он ошибается в накладных.

- Уже знаешь? - спрашивает она, не оборачиваясь.

- Знаю. Тетя Люба, откуда взялся этот «Северин Капитал»? Наш кредит был в областном банке. Кто продал им долг?

- Банк, деточка. Банк продал. - Она наконец поворачивается, и я вижу, что глаза у нее красные. - Но я второй день сижу и не пойму одного. Продали с дисконтом. Они заплатили за наш долг меньше, чем он стоит. А потом сразу требовали все до копейки. Так не делают, если хотят получить деньги. Так делают, если хотят получить фабрику.

- Или хотят получить с нас больше, чем заплатили.

- Может, и так. - Она двигает ко мне чашку с остывшим чаем. - Выпей. И не говори пока ничего отцу.

Я киваю. Конечно, не скажу. Я не скажу ему ни про банк,

ни про задержку поставки какао, которая случилась на прошлой неделе, ни про то, что двое наших лучших технологов уже написали заявления. Отец лежит в кардиологии на третьем этаже областной больницы, и мой единственный долг перед ним - улыбаться, когда я захожу в палату.

Вечером я улыбаюсь так хорошо, что сама себе почти верю.

- Ты похудела, Уля, - говорит папа, отодвигая тарелку с больничной кашей. Он сильно сдал за эти недели: стал меньше ростом, а в волосах, которые всегда были темными с рыжинкой, теперь больше седины, чем цвета. Но глаза прежние, внимательные и немного лукавые. - Опять не ешь?

- Ем. Сегодня два раза ела.

- Два раза чего? Чая?

- Зефира. Тестировали новую рецептуру, с облепихой.

- Облепиху я одобряю, - он улыбается. - Только не переокислить. Помнишь, как мы в девяносто шестом переокислили пастилу, а твоя мама сказала...

- Что у нас получились самые дорогие леденцы в Ярославле, - заканчиваю я. - Помню, пап.

Мы смеемся. Потом он закашливается, и я встаю, чтобы поправить подушку, и руки у меня все-таки начинают дрожать. Папа хватает меня за запястье.

- Что-то случилось?

- Ничего, - отвечаю я слишком быстро. - Просто устала. Поставщики, ты знаешь. Все как всегда.

Он долго изучает мое лицо. Потом кивает и отпускает мою руку.

- Как скажешь, дочка. Только запомни: когда будет совсем плохо, не придумывай мне сказки. Я лучше выслушаю правду, чем буду гадать.

- Хорошо, - обещаю я и чувствую, как это слово царапает горло.

Телефон звонит, когда я выхожу на больничную парковку. Номер незнакомый, московский.

- Ульяна Андреевна Вересова? - голос мужской, молодой, немного насмешливый. - Меня зовут Марк Лебедев, я помощник Глеба Сергеевича Северина. Он хотел бы встретиться с вами завтра. Одиннадцать часов, наш офис на Пресне. Машину пришлем.

- Я могу приехать сама.

- Конечно. Но вам понадобится четыре часа в один конец, а у Глеба Сергеевича, поверьте, график плотнее. Мы пришлем машину и в одиннадцать вы будете в Москве.

- А если я откажусь?

В трубке пауза, и мне кажется, что он улыбается.

- Тогда вы потеряете возможность узнать, чего он хочет. Что, на мой взгляд, было бы обидно. Завтра в семь утра, Ульяна Андреевна. Я пришлю адрес сообщением.

Он отключается раньше, чем я придумываю ответ.

Я стою на парковке под вечерним небом, в которое уже вползает июньская сиреневая дымка. Где-то там, за кронами

тополей, горит окно папиной палаты. В кармане лежит конверт с нулями.

Я не знаю, чего хочет человек по фамилии Северин. Знаю только, что ночью не усну, а в семь утра буду стоять у ворот с чашкой кофе.

Потому что другого плана у меня нет.

Глава 2. Пункты договора

Москва встречает жарой, пробками и стеклянной башней, в вестибюле которой я чувствую себя персонажем чужого фильма. Мой лучший костюм, темно-синий, купленный на выпускной в институте, здесь кажется слишком скромным. Каблуки стучат по мрамору громче, чем мне хочется.

- Ульяна Андреевна? - Марк Лебедев оказывается невысоким светловолосым парнем лет тридцати, в безупречном сером костюме и с таким выражением лица, будто он только что услышал хорошую шутку и теперь ее хранит. - Вы точнее, чем я ожидал. Прошу.

Лифт летит вверх без единого звука. Я смотрю, как цифры сменяют друг друга, и повторяю про себя: не соглашаться ни на что сразу, не плакать, не просить.

Кабинет занимает половину этажа. Огромные окна, длинный стол, ни одной лишней вещи. На подоконнике единственный живой предмет - горшок с чахлым алоэ, выглядящий так, будто его здесь держат из чувства долга.

Хозяин кабинета стоит спиной к двери и разговаривает по телефону.

- Нет, - говорит он. - Я сказал: нет. Условия не обсуждаются. Если им нужно время, пусть берут его у кого-нибудь другого.

Он кладет телефон на стол и поворачивается.

Глебу Северину тридцать пять. Я знаю это потому, что ночью, вместо сна, перерыла весь интернет. Знаю, что он вырос в Москве, закончил экономический факультет, унаследовал от деда небольшую инвестиционную компанию и за десять лет превратил ее в одну из самых закрытых и успешных на рынке. Знаю, что у него нет социальных сетей и что журналисты называют его «человеком, который покупает чужие долги». Не знаю только, почему на фотографиях он всегда выглядит так, будто его только что оторвали от чего-то важного.

Живьем он выше, чем я думала. Темные волосы, серые глаза, жесткая линия скулы. Рубашка без галстука, расстегнутая на одну пуговицу. И взгляд, который не изучает меня, как я ожидала, а просто принимает к сведению.

- Ульяна Андреевна, - говорит он. - Спасибо, что приехали.

- У меня не было большого выбора. - Я протягиваю конверт. - Вы забрали мой долг, потребовали вернуть его за месяц и прислали машину. Что вы хотите, господин Северин?

- Глеб. - Он указывает на кресло напротив. - Присаживайтесь. Кофе?

- Я пришла не пить кофе.

- Значит, чай. Марк, пожалуйста.

Марк исчезает за дверью с таким видом, будто ему доставляет искреннее удовольствие исчезать.

Глеб садится не за стол, а напротив меня, в соседнее крес-

ло. Закидывает ногу на ногу, складывает пальцы.

- Я куплю у вас все, - говорит он.

Я моргаю.

- Что именно?

- Не фабрику. Долг. Точнее, сниму его. Все сто восемьдесят четыре миллиона, плюс проценты, плюс штрафы, которые назначит банк, пока вы будете обдумывать. Кроме того, вложу еще шестьдесят в модернизацию вашей третьей линии, потому что она стоит на честном слове. Закрою задержку по какао. Верну ваших технологов, а вам, если захотите, организую работу в совете директоров, пока ваш отец не вернется.

Он говорит ровно, как человек, зачитывающий меню.

- Это очень щедро, - медленно произношу я. - Подозрительно щедро. И где подвох?

- Подвох один. - Он смотрит мне прямо в глаза. - Вы выйдете за меня замуж.

Чай, который принес Марк, остается нетронутым. Я не сразу понимаю, что в комнате стало тихо, потому что в ушах у меня звенит.

- Простите?

- Не навсегда. На год. Точнее, на срок, необходимый мне, чтобы закрыть одно дело. - Он говорит спокойно, и это бесит меня больше любого крика. - Мой дед оставил завещание с условием: контрольный пакет семейной компании переходит ко мне, только если к тридцати шести годам я буду

женат. Мне исполняется тридцать шесть двадцатого сентября. Я женат не был и не собирался. Теперь придется.

- И вы решили, что первой подвернется девушка, у которой горит бизнес.

- Я решил, что мне нужна жена, которая понимает цену обязательств. И у которой причины быть рядом совпадают с моими.

- То есть у которой нет выхода.

- Выход есть всегда, Ульяна Андреевна. Просто он редко бывает приятным.

Я встаю. Кресло скрипит по паркету.

- Это шутка?

- Нет.

- Тогда это хамство. Вы позвали меня в Москву, чтобы предложить продать себя за долги? Как в романах про купцов и бедных дворянок?

- Если я захочу купить вас, - ровно отвечает он, - я не стал бы тратить время на беседу. Я предлагаю договор. Письменный, нотариальный, с четкими обязательствами обеих сторон. Вы получите фабрику без долгов, я получу формальную жену. Через год разведемся, и каждый заберет свое. Без претензий и скандалов.

Он берет со стола тонкую папку и кладет передо мной.

- Прочитайте. Пока будете читать, подумайте.

- Мне не о чем думать.

- Ваш отец в кардиологии, - говорит он тем же тоном, и у

меня холодеют пальцы. - Ему нельзя нервничать. Через месяц, если ничего не изменится, приставы придут на территорию. Об этом узнают сотрудники, потом поставщики, потом журналисты. Если я правильно понимаю ситуацию, в вашей семье не принято прятать правду от больного. Но и сообщать ее так, чтобы он ее услышал по телевизору, тоже не принято.

- Вы собираете информацию обо мне.

- Я собираю информацию обо всех, с кем собираюсь заключать сделки.

Я смотрю на него и пытаюсь понять, чего во мне сейчас больше: страха или злости. Злость побеждает с минимальным перевесом.

- Вы не имеете права, - говорю я тихо.

- Имею. Я ваш кредитор.

Мне хочется швырнуть ему папку в лицо. Вместо этого я сажусь обратно и открываю ее.

Договор оформлен безупречно. Десять пунктов, каждый на отдельном листе. Я читаю, чувствуя, как у меня горят щеки.

«1. Стороны заключают брак в срок до 13 сентября текущего года.

2. Стороны проживают совместно по месту жительства первой стороны, имея отдельные жилые помещения.

3. Вторая сторона обязуется присутствовать на публичных мероприятиях в качестве супруги по запросу первой стороны.

4. Первая сторона обязуется погасить задолженность второй стороны перед ООО «Северин Капитал» и выделить инвестиции в размере, указанном в приложении.

5. Все вопросы, связанные с деятельностью ОАО «Вересов», до окончания срока договора согласуются между сторонами».

Я останавливаюсь на пятом пункте.

- Согласуются? То есть решать буду не я.

- Решать будем мы вместе. - Он слегка наклоняет голову. -

Фабрика будет работать лучше, если за ней присмотрят двое.

- Вы ничего не понимаете в зефире.

- Я понимаю в цифрах. А вы в зефире. Хорошее разделение труда.

Дальше идут пункты о конфиденциальности, о расторжении, о разделе имущества. Все четко и честно, насколько вообще может быть честным договор, в котором человека покупают. Последний лист пустой, только строка для подписи.

Я закрываю папку.

- Мой ответ нет.

Он не удивляется. Кивает, будто услышал ожидаемое, и встает.

- Хорошо. Срок договора в силе до четырнадцатого июля.

После этого предложение снимается, и я буду действовать как обычный кредитор. - Он делает паузу. - Не хотелось бы.

- Вы так спокойно угрожаете.

- Я не угрожаю. Я называю даты.

Он протягивает мне руку, но я не принимаю ее. Беру сумку и иду к двери, чувствуя спиной его взгляд. Уже в коридоре слышу голос Марка:

- Вам нужна машина обратно?

- Нет, - отвечаю я. - Мне нужен воздух.

Лифт опускает меня вниз так же беззвучно. В вестибюле я останавливаюсь у стеклянной стены и смотрю на людей, которые идут по своим делам, смеются и пьют кофе из бумажных стаканчиков. У каждого из них, наверное, тоже что-то горит. Просто не так заметно.

Я сжимаю в руке папку, которую забыла оставить на столе, и понимаю, что унесла договор с собой.

Глава 3. Все двери закрыты

Первые три дня после Москвы я живу как заводная игрушка. Просыпаюсь в шесть, еду на фабрику, обхожу цеха, звоню, пишу, умоляю. Вечером еду к отцу и улыбаюсь. Ночью лежу в нашей старой квартире на Чайковского и пересчитываю нули на потолке.

Договор Северина лежит в ящике кухонного стола, под кухонными полотенцами. Я не читаю его снова. Я просто знаю, что он там.

- Ты опять не спишь, - говорит Даша, появляясь в дверях кухни в растянутой футболке. Моей сестре двадцать два, она заканчивает магистратуру по журналистике и умеет появляться ровно в ту минуту, когда лучше бы ее не было. - Свет под дверью.

- Я пью чай.

- Ты пьешь третий чайник, судя по запаху, - Даша плюхается на стул напротив. - Уль, что происходит? Тетя Люба ходит с таким лицом, будто на фабрике умер кто-то из родственников. Петрович вчера у проходной курил и смотрел на тебя, как на икону. Что-то случилось?

Я смотрю на нее, на ее растрепанные русые волосы и упрямый подбородок, такой же, как у отца, и понимаю, что рассказывать нельзя. Не из-за слабости, а потому, что Даша немедленно рванет разбираться сама. А Даша в гневе опас-

нее любого кредитора.

- У нас временные трудности с оборотными средствами, - произношу я канцелярским голосом. - Я их решу.

- Конечно, решишь, - соглашается она, и по ее лицу видно, что она не поверила ни единому слову. - Но если нужна помощь, я могу позвонить Ромашову. Он же вроде собирался вкладываться?

Ромашов. Я откладываю кружку.

Эдуард Ромашов, владелец сети супермаркетов в Нижнем Новгороде, еще зимой говорил, что хочет заключить с нами долгосрочный контракт и вложиться в модернизацию. Тогда папа был здоров, и все это казалось приятной перспективой. Теперь я набираю его номер второй раз за три дня, и второй раз никто не отвечает.

- Я звонила, - говорю я. - Секретарь сказала, что он в командировке.

- Три дня?

- Три дня.

- Странно, - Даша морщится. - Он же сам тебе писал позавчера. Ты показывала. «Всегда рад обсудить»...

- Это было до того.

- До чего?

Я не знаю до чего. Просто в какой-то момент все отзывчивые люди вокруг фабрики одновременно перестали быть отзывчивыми.

На следующий день я пробую другой путь. Ярославль, Ко-

строма, Иваново: я объезжаю банки и фонды, разложив на заднем сиденье папку с бизнес-планом, который мы с отцом писали два года назад, когда все еще было иначе. Везде одна и та же картина: меня выслушивают, кивают, просят оставить документы. Потом звонят на следующий день и отвечают одинаково.

- Мы изучили ваше предложение, Ульяна Андреевна. К сожалению, сейчас мы не готовы рассматривать данную сделку.

- Почему?

- Слишком высокий уровень рисков.

- Но в бизнес-плане...

- Дело не в бизнес-плане.

Где-то на пятом отказе я перестаю спрашивать «почему» и начинаю спрашивать «кто».

- Ходят слухи, что ваш кредитор не заинтересован в реструктуризации, - осторожно говорит заместитель управляющего областного отделения, когда мы остаемся наедине в его кабинете. Он немолодой, с усталым лицом, и мне кажется, что ему неловко. - И что он не любит, когда в его дела вмешиваются. Вы понимаете, о ком я?

- Понимаю.

- Тогда вам не нужно объяснять, что против такого игрока рисковать никто не станет. Мне жаль.

Я выхожу на улицу и долго стою на крыльце, потому что в голове у меня никак не складывается одна простая мысль.

Он сказал, что назовет даты, и называет. Но в тот день, в Москве, он не сказал главного: что одновременно с его предложением я останусь вообще без всяких других.

Это не совпадение. Совпадения не бывают такими аккуратными.

Вечером я пробую в последний раз. Едва успеваю доехать до дома, как звонит телефон: Любовь Фёдоровна.

- Деточка, не пугайся, - начинает она, и я пугаюсь сразу.
- Пришли судебные приставы. Бумаги на арест части оборудования. Говорят, по заявлению нового кредитора как обеспечительная мера. Я их задержала как могла, они приедут завтра утром, но...

- Какое оборудование?

- Итальянская линия, детка. Третья.

Я сажусь на пол в прихожей прямо в пальто. В трубке слышно, как тетя Люба шумно дышит.

- Это та, на которой мы делаем половину ассортимента?

- Больше половины.

- Без нее...

- Без нее нечем платить зарплату, - договаривает она. - Я знаю. Уля, прости. Я тридцать лет считаю деньги и впервые не знаю, что тебе посоветовать.

Я долго молчу. Потом произношу:

- Тетя Люба, а вы не знаете, кто в банке занимался продажей нашего долга?

- Знаю. Мне Зоя из юротдела сказала по секрету. - Она ко-

леблется. - Лично Леонид Аркадьевич звонил. Громов. Просил поторопиться и особо подчеркивал, чтобы покупатель был серьезный.

У меня в голове что-то щелкает, но настолько тихо, что я не успеваю расслышать.

- Дядя Лёня? Тот самый?

- Ну а какой еще? Он же в совете директоров банка. Мы с тобой знаем, он папин старый партнер, у него тридцать процентов в «Вересове». Но он говорил так, будто не знает вас вообще. Меня это насторожило, и я...

- Я позвоню ему.

- погоди, детка, давай не по телефону...

Но я уже набираю номер. Дядя Лёня, Леонид Аркадьевич Громов, крестный отец Даши и давний папин друг, снимает трубку на втором гудке. Голос у него мягкий, обволакивающий, как у человека, который умеет утешать.

- Ульяночка! Господи, как же я рад тебя слышать. Как папа? Я завтра к нему заеду, не успел на этой неделе, замотался с проектом. Что-то случилось?

Я рассказываю. Не все: про приставов, про банк, про требование. Про Северина и его договор я молчу сама не знаю почему.

- Какая беда, - вздыхает он. - Сколько вы с отцом на себе тянули, и вот такая напасть. Ты не волнуйся, дорогая. Я постараюсь что-нибудь разузнать. У меня есть связи в банке. Поговорю с людьми.

- Дядя Лёня, а вы знаете, кто такой Глеб Северин?

Пауза длится всего секунду.

- Слышал, - наконец отвечает он. - Хваткий мальчик. Скупает проблемные активы. Вы с ним что, разговаривали?

- Он предложил помощь.

- Помощь от таких, как он, обходится дорого. Ты помни это, Ульяночка. - Голос становится тревожно-заботливым. - Не подписывай ничего без меня. Хорошо? Обещаешь?

- Хорошо, - говорю я.

Мы прощаемся. Я долго сижу на полу, глядя на носки своих сапог. Дядя Лёня, как обычно, прав: помощь Северина обойдется мне дорого. Но дядя Лёня ничего не предложил взамен, только пообещал разузнать.

А у меня остались сутки до прихода приставов.

Я встаю, иду на кухню и достаю из ящика папку. Читаю договор от начала до конца, на этот раз внимательно, как читала бы рецептуру. Ищу слабые места, ловушки, формулировки, за которые можно уцепиться. Их нет. Он написал честно, жестко и предельно ясно, и от этой ясности мне хочется выть.

К одиннадцати вечера я звоню Марку.

- Ульяна Андреевна, - голос у него сонный и совершенно не удивленный. - Я так и думал, что вы позвоните до четырнадцатого.

- Я хочу еще раз встретиться с господином Севериным. Завтра. Утром.

- Он будет в Ярославле. Приедет посмотреть фабрику. - Марк делает паузу. - Хотите, чтобы я передал ему что-то особенное?

- Передайте, что приставы приедут в восемь. Если он не снимет арест до этого времени, я не подпишу ничего. И не дождусь четырнадцатого.

- Передам, - говорит Марк. - Спокойной ночи.

В семь пятьдесят утра в понедельник судебные приставы получают по факсу отзыв обеспечительных мер. Я узнаю об этом от Любови Фёдоровны, которая прибегает ко мне в кабинет с белым как мел лицом и протягивает листок.

- Деточка, - говорит она. - Они уехали. Просто развернулись и уехали.

Я смотрю на бумагу. Печать, подпись, час.

Он знал. Он знал, что я позвоню, и заранее держал решение наготове. Он не торопился. Он ждал, когда я сама придвинусь к краю.

Черный автомобиль подъезжает к проходной ровно в девять. Я стою у окна кабинета и смотрю, как из него выходит Глеб Северин, спокойный, собранный, в светлой рубашке, с пиджаком на плече. Он оглядывается на заводскую трубу, на облупленные буквы вывески «ВЕРЕСОВЪ. С 1957 ГОДА» и на секунду замирает, как человек, увидевший знакомое место.

Странно. Он здесь никогда не был.

Я спускаюсь вниз, кладу перед ним подписанный договор

и впервые вижу на его лице что-то помимо расчета. Он смотрит не на мою подпись, а на меня.

- Вы понимаете, что я это делаю не потому, что вы выиграли, - говорю я. - Просто вы единственный, кто не оставил мне выбора.

- Понимаю, - отвечает он.

- Тогда вам нечего гордиться.

- Мне и не хочется. - Он берет ручку и ставит рядом с моей свою подпись, быстро, не глядя. Потом поднимает глаза. - Спасибо, Ульяна.

Он говорит так, будто благодарит за что-то большее, чем подпись.

И мне вдруг становится холодно.

Глава 4. Глеб

Глеб ненавидит ждать.

В десять тридцать вечера он стоит у окна гостиничного номера в Ярославле и смотрит на огни Волги. Река тихая, черная и очень старая. Он вдруг ловит себя на том, что считает на ней баржи, как делал в детстве, когда сестра заставляла его: «Не скучай, Глеб, лучше считай».

Телефон лежит на подоконнике, экраном вниз. Он уже знает, что там написано. Два пропущенных от бабушки, одно сообщение от Марка: «Она подписала. Вы довольны?»

Доволен ли он?

За тридцать пять лет Глеб Северин научился определять свои чувства по температуре. Радость - это тепло в груди. Злость - холод в руках. Сейчас у него в ладонях лед, а в груди такая пустота, будто кто-то вытащил оттуда лишнее.

- Постучать можно? - В дверь заглядывает Марк. Он без пиджака, с двумя бумажными стаканами из круглосуточной кофейни. - Не против компании?

- Заходи.

Марк протягивает ему стакан, садится в кресло и скидывает ботинки. Они работают вместе девять лет. Марк знает Глеба так, как не знает никто, включая бабушку, и поэтому позволяет себе вещи, за которые любой другой уже искал бы новую работу.

- Знаешь, что я сейчас думаю? - говорит Марк.

- Нет.

- Что ты ведешь себя как последний подонок.

- Спасибо.

- Не за что. - Марк отхлебывает кофе. - Серьезно, шеф. Я составил этот договор, я подготовил лист за листом то, что ты просил. И я смотрел, как ты ломаешь девчонку об колено.

- Я не ломал.

- Ты организовал так, что ей некуда идти. Ромашов. Три банка. Приставы. Сначала ты закрыл ей все двери, потом открыл одну. Свою.

- Приставов я отозвал.

- Потому что она позвонила. После того, как ты довел ее до звонка.

Глеб молчит. За окном проплывает баржа, огни ползут по воде, как гусеницы.

- У нее было два пути, - произносит он наконец. - Согласиться на мои условия или разориться. Я не мог дать ей третий.

- Почему?

- Потому что третий путь для нее был бы Громов.

Марк замирает со стаканом у рта.

- Громов давно предлагал им помощь?

- Он позвонил ей в тот же вечер, как узнал о выкупе долга. Мне рассказал человек из банка. Он готов был закрыть вопрос. Выкупить пакет, войти в управление, «помочь по-

родственному». Через полгода у нее не осталось бы ни цеха, ни отца в должности, ни даже права войти в здание. Только красивая справка о том, что фабрика признана неплатежеспособной.

- Это ты ей объяснил?

- Нет.

- Почему?

Глеб поворачивается от окна.

- Потому что она бы не поверила, - говорит он. - Для нее дядя Лёня семья. Крестный отец сестры. Человек, который носил ее на руках. Если бы я пришел и сказал: он тот, кто три года назад...

Он замолкает.

В номере становится слышно, как гудит кондиционер. Марк медленно ставит стакан на столик.

- Глеб.

- Не сейчас.

- Ты ей не скажешь?

- Скажу. Когда придет время. - Он делает короткий глубокий вдох. - Когда у меня будут доказательства, а не только мое слово против его.

- А если не будет такого времени? Если она сама все поймет раньше?

- Тогда я отвечу.

- Тебе придется. - Марк наклоняется вперед. - Потому что она не дура. Я видел, как она читала договор. Она читала так,

как читают приговор, и искала в нем слова, которых там нет. Такие люди не прощают, когда оказывается, что в приговоре была приписка.

Глеб потирает переносицу.

- Мне не нужно ее прощение.

- Тебе нужна ее подпись, ее присутствие и ее фабрика. Это я знаю. А что еще тебе нужно?

Он не отвечает.

На самом деле он и сам не знает. В кабинете на Пресне он ожидал увидеть испуганную девочку, беспомощную и готовую на все. Вместо этого вошла женщина, которая смотрела на него снизу вверх и все равно умудрялась смотреть сверху вниз. В темно-синем костюме, с прямой спиной, с руками, спрятанными в карманы, чтобы он не видел, как они дрожат. Он видел.

Вчера, когда он вышел из машины у проходной и увидел облупленную вывеску, ему вдруг перехватило дыхание. «Вересовъ. С 1957 года». Он знал этот шрифт по старой жестяной коробке, на которой много лет назад была нарисована клубника и... нет. Не сейчас.

Он достает из внутреннего кармана пиджака фотографию, сложенную вдвое, и разглаживает ее на колене.

На снимке смеется молодая женщина с темными волосами и таким же серым взглядом, как у него. Она сидит на подоконнике какого-то офиса, болтает ногами и держит в руке надкусанный зефир. Фотография старая, углы затерты.

- Катя, - тихо говорит он, не поднимая головы. - Если бы ты видела, что я делаю.

Марк не произносит ни слова. Встает, берет стакан и выходит, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Глеб остается один с рекой.

Он помнит все до секунды, хоть и пытался стереть. Звонок в четыре утра. Мокрое шоссе под Тутаевом, перевернутая «Ауди», и голос инспектора: «Водитель потеряла управление, к сожалению, скорость была превышена». Катя никогда не превышала скорость. Она боялась скорости с детства, с того дня, как отец разбился на трассе.

Три года он слушал всех, кто твердил: несчастный случай. Три года не слушал себя. А потом нашел в ее старых вещах блокнот с одной-единственной записью, сделанной за неделю до смерти: «Вересов. Громов. Договор поставки. Проверить подписи». И дальше аккуратным Катиным почерком: «Сказать Глебу».

Она не успела сказать.

Он узнал, что его сестра ездила на фабрику в Ярославле для внешнего аудита, что она работала там под рабочей фамилией и что закончила проверку досрочно. Что после ее смерти аудиторский отчет исчез, а договор поставки признали «технической ошибкой». И что в то же время некто Леонид Громов получил тридцать процентов акций фабрики, а затем начал методично подводить ее к банкротству.

Это не доказательства. Это только цепочка совпадений.

Глеб нанял людей, поднял архивы, выкупил долг фабрики за полцены и начал ждать. Но Громов был осторожен. Бумаги у него были чисты, а те, кто мог говорить, уже молчали.

Оставалось одно: войти внутрь. Стать частью семьи, получить доступ в здание, к архиву, к личному сейфу Андрея Вересова, где, по мнению Глеба, могли храниться копии Катиных документов. Просто прийти с проверкой он не мог: Громов тут же замел бы следы.

Но муж наследницы, совладелец, человек, у которого есть право бывать везде...

- Это вовсе не подлость, - вслух говорит Глеб, и голос его звучит чужим. - Это единственный способ.

Он повторяет это второй раз, потом третий, и понимает, что звучит все менее убедительно.

Потому что утром, у проходной, она сказала: «Вы единственный, кто не оставил мне выбора».

А он подумал: «Я знаю».

Телефон на подоконнике вибрирует. Бабушка.

- Глебушка, - говорит она, едва он нажимает на зеленую кнопку. - Ты что там, в самом деле решил жениться? Марк мне вчера проболтался. Я ему этого не забуду.

- Бабушка, это ради завещания.

- Не ври мне, голубчик. Ты можешь врать всему Совету директоров, но не мне. - В трубке тишина, потом тихий вздох. - Привези ее на ужин, посмотрю.

- Она не знает...

- Тем более привези.

Он закрывает глаза.

- Хорошо, - говорит он. - В субботу.

Глава 5. Ужин с бабушкой

Аделаида Георгиевна Северина живет в высотке на Кутузовском, на девятом этаже, в квартире, где время остановилось где-то в семидесятых. Огромные окна, дубовый паркет, рояль, на котором никто не играет, и ни одной фотографии на стенах.

Я замечаю это сразу, пока Марк берет у меня плащ. В коридоре, в гостиной, у лестницы - везде светлые прямоугольники на обоях, где явно что-то висело раньше.

- Не удивляйтесь, - тихо говорит Марк. - Она так живет. Не любит смотреть на то, чего нет.

Глеб идет впереди, и спина у него напряженная. В машине мы почти не разговаривали. Он спросил только, умею ли я пользоваться столовыми приборами. Я ответила, что в кондитерском деле без вилок не обойтись, и он впервые за три дня слегка улыбнулся.

- Ульяна, - произносит Аделаида Георгиевна, и я вздрагиваю.

Ей восемьдесят четыре. Она сидит в кресле у окна, прямая, сухая, в темно-зеленом платье с брошью. Серые волосы уложены безупречно, а глаза такие же серые, как у внука, только острее. Она смотрит на меня, как на деталь, которую нужно проверить на прочность.

- Подойди ближе. Не бойся, я не кусаюсь. Зубы вставные.

- Бабушка, - вздыхает Глеб.

- Молчи, я не с тобой разговариваю. - Она протягивает мне сухую узкую руку. - Значит, ты та самая Вересова. Зефир, пастила, трубы и честное слово. Помню вашу вывеску. Мой муж возил мне ваши конфеты из командировок, когда еще был жив.

- Рада знакомству, Аделаида Георгиевна.

- Врешь. Но вежливо, это хорошо.

Ужин накрыт в столовой с темным столом на двенадцать персон, за которым нас четверо. Женщина в белом фартуке подает суп, холодную телятину, картошку с укропом. Я ем аккуратно, как учила мама, и чувствую, что меня разглядывают сбоку, как под лупой.

- Сколько тебе лет? - спрашивает бабушка.

- Двадцать семь.

- Образование?

- Технологический, пищевое производство. Потом два года стажировки в Болонье на фабрике.

- Мужчины были?

- Бабушка! - Глеб ставит бокал так, что вино плещется.

- А что такого? Я хочу знать, кого берут в семью. - Она не сводит с меня глаз. - Были?

- Были, - отвечаю я спокойно. - Один, на третьем курсе, мы расстались, потому что он ревновал меня к рецептурам. Второй, в Италии, который оказался женат. Ничего серьезного.

- Вот это честно. - Аделаида Георгиевна откидывается на спинку кресла. - А замуж почему согласилась?

За столом наступает тишина. Марк изучает свою тарелку. Глеб не шевелится.

Я кладу вилку.

- Потому что мне предложили сделку, от которой зависит мой дом. Я не сказала нет, потому что не нашла способа сказать его без последствий для людей, которые на меня рассчитывают.

- То есть ты его не любишь.

- Бабушка...

- Глеб, я не к тебе. Ты у нас любишь только цифры.

Я смотрю на Аделаиду Георгиевну. Никогда не думала, что можно одновременно уважать человека и желать его слегка придушить.

- Я знаю этого человека пять дней, - говорю я. - Любить его было бы глупо. Но я могу уважать его решимость и надеюсь, что мы оба сумеем честно выполнить договор.

- Договор, - повторяет бабушка, и в ее голосе неожиданно звучит что-то похожее на удовольствие. - Прекрасное слово. Мой муж тоже заключал договоры. Всю жизнь. И только один раз ошибся.

- Какой?

- Женился по расчету. - Она улыбается тонко, одним уголком рта. - Правда, он потом хотел это исправить, и исправил.

Глеб резко отодвигает стул.

- Я выйду на минуту.

Он выходит, не дожидаясь ответа. Марк тоже находит срочное дело на кухне, и мы остаемся с Аделаидой Георгиевной одни. Она берет бокал, подносит к свету и рассматривает рубиновое вино на просвет.

- Он вам рассказал про завещание? - спрашиваю я осторожно.

- Про какое?

- Он сказал, что дед оставил условие: чтобы получить контрольный пакет, Глеб должен жениться до тридцати шести лет.

Она слегка вздергивает брови. Потом смеется. Тихо, сухо, как будто в горле у нее шуршит бумага.

- Условие, - произносит она. - Мой Сергей Аристархович оставил завещание за три года до смерти. Я его наизусть помню. Знаешь, что там было про Глеба? «Внуку моему, Глебу, передаю компанию и все дела. Пусть распоряжается как сочтет нужным. А жениться ему лучше по любви, или не жениться вовсе».

У меня сжимается желудок.

- То есть никакого условия нет.

- Условия-то нет, - спокойно подтверждает она. - Есть упрямый внук, который придумывает причины, когда не хочет объяснять настоящие.

- Какие настоящие?

- Это пусть он тебе сам расскажет.

Дверь открывается. Глеб возвращается, и по лицу видно: он слышал хотя бы последнюю фразу. Взгляд у него сухой и холодный, как у человека, у которого украли карты прямо во время игры.

- Ульяна, нам пора. Завтра рано вставать.

- Мы не доели десерт, - замечает бабушка.

- Спасибо за ужин, Аделаида Георгиевна, - говорю я, поднимаясь.

- Приезжай еще. Без него. - Она подмигивает. - Научишь меня печь зефир.

В машине он молчит. Марк тоже. Город плывет за окном: огни, мосты, широкие вечерние проспекты. Я смотрю на отражение Глеба в темном стекле и жду.

- Она любит драматизировать, - произносит он наконец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.